

28 апреля состоялось собрание, на котором оркестранты хотели получить от руководства филармонии ответы на поставленные в письме вопросы. Не знаем, удовлетворили ли их объяснения директора. Да и, собственно, зачем Томиной требовалось письмо? Ведь если она знала проблемы, почему не решала их по мере возникновения?

Уже после заявления маэстро об уходе мы побеседовали с некоторыми музыкантами оркестра:

«Мы привыкли работать с Владимиром Петровичем, были довольны этой работой — он человек талантливый, интересный.

Проблемы копились не один год, а теперь такое ощущение, что произошел взрыв.

Зарплата оркестрантов начинается от 600 рублей. У меня было 1.200, сейчас — 1.400, сделали 30-процентную надбавку. Находимся на контракте — кто на год, кто на два, на три, по истечении этого срока предстоит переаттестация. Это не контракт в прямом смысле — ощущение такое: вроде бы работаю здесь, а вроде и нет.

Это конфликт старого и нового.
Зива — человек новой формации».

«Осиротевшие музыканты оркестра никаких претензий к своему лидеру не имеют. Напротив, отнеслись к его шагу с пониманием. На последний концерт пришли все, даже не занятые в программе. Жали ему руки и говорили разные теплые слова. Кто-то воспринял уход дирижера как личную драму, кто-то грустно шутил, что теперь придется подавать брачное объявление: «Одиноким оркестр желает познакомиться» («Новое дело», О. Юсова).

ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР

В 1988 В. Зива подавляющим большинством голосов был избран оркестром на пост главного дирижера и художественного руководителя. Следует добавить, что до избрания он сыграл с нижегородцами 10 программ.

К тому времени Зиве — 31 год. Он — уже яркий и известный музыкант. В 1984—87 был ассистентом-дирижером у Китаенко в симфоническом оркестре Московской филармонии, преподавал на оркестровом факультете Московской консерватории, на фестивале «Декабрьские вечера осуществил постановки: «Альберт Херринг» и «Поворот винта» Бриттена, «Снегурочка» Чайковского, «Состязание Феба и Пана» Баха, в Московском Камерном музыкальном театре — «Братья Карамазовы» Холминова (вместе с Борисом Покровским), работал над советско-французской постановкой оперы Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда». Гастролировал за рубежом.

За 12 сезонов работы с нижегородским оркестром Зива сыграл более 300 концертов. Организовал и провел зарубежные гастроли оркестра во Франции (несколько раз), Болгарии, Испании, Бельгии, Германии. Выступал с нижегородским оркестром в городах России: Воткинске, Ижевске, Иваново, Смоленске, Сочи, Адлере, Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Сарове, Свердловске, неоднократно — в Москве и Петербурге. За 12 лет в нижегородской филармонии не отменил и не перенес ни одного запланированного и объявленного концерта. При Зиве оркестр впервые выехал за рубеж, осуществил первые записи и выпустил первые компакт-диски, первые зарубежные музыканты выступили с оркестром при Зиве, при нем же оркестр получил звание «Академический», и т.д., и т.д.

ДИРЕКТОР

Так что же произошло? Что заставило Зиву 28 мая написать такое заявление?

Публикуем текст полностью:

«Директору филармонии Томиной О.Н.
Заявление.

В связи с Вашим постоянным, грубым и в высшей степени неэтичным вмешательством в работу симфонического оркестра и в исполнение моих прямых обязанностей художественного руководителя и главного дирижера, каковым я являюсь с июня 1988 года, и, как следствие, невозможностью выполнять служебные обязанности, я отказываюсь от занимаемой должности и прошу уволить меня по собственному желанию с 12 июня 2000 года».

У каждого конфликта есть причины, корни, т.е. давно назревшие и долго не решаемые проблемы (как глобальные, так и мелкие), есть публичные попытки одной стороной огласить их, а другой — их проигнорировать, и есть, наконец, искра, которая взрывает ситуацию.

Следует заметить, что в письме оркестрантов многие проблемы обозначены. Многие, но не все.

Приведем несколько.

Так, еще в 1995 оркестр получает приглашение выступить на зарубежном фестивале — но денег не хватает. Зива обращается за помощью к тогдашнему губернатору Борису Немцову. Тот молниеносно выделяет средства. Но Томина возмущается и говорит, что Зива занят не своей работой, что его дело творчество, а вопросами финансов занимается директор филармонии. С тех пор у оркестра зарубежных гастролей не было, хотя предложения поступали.

Однажды Томина приглашает выступить с оркестром своего друга детства, г-на N, не согласовав это с главным дирижером. Художественный совет оркестра негативно оценивает работу г-на N, но спустя некоторое время этот музыкант опять стоит за пультом АСО. То же самое происходит и с пианисткой N: после ее выступления худсовет высказывается отрицательно, а Томина вновь хочет ее пригласить, говоря, что «худсовет это еще не все, давайте устроим голосование всего коллектива».

Или: в связи с юбилеем музыканта оркестра, который работает в АСО с 1969 (более 30 лет), Зива подает докладную записку на имя Томиной с просьбой поблагодарить артиста в приказе и выдать ему денежную премию. Через секретаря Зиве передают ответ директора, что это невозможно, поскольку трудовая книжка этого музыканта находится в другом месте.

12 часов записанной оркестром музыки лежат «мертвым грузом» — ждут издания на CD.

12 лет у оркестра не было буклета. Когда Зива нашел спонсоров и буклет был выпущен, это не вызвало восторга Томиной: «Почему в буклете не указано, что оркестр победитель конкурса в бывшем СССР?».

В среднем оркестр дает на сцене филармонии два-три концерта в неделю. У руководства филармонии есть возможность сдавать зал в аренду, что делается не редко, не раз в неделю. Но что достается оркестру? Как видим, на благосостоянии коллектива это почти не отражается.

Кстати, Томина умудрялась делать замечания дирижерам — к примеру, за то, что они могли отпустить оркестрантов с одной из репетиций раньше. Хотя на другой оркестр мог и задержаться.

Были и другие мелочи, в той или иной степени характеризующие атмосферу в филармонии.

Вообще в Нижегородской филармонии неуютно. Обшарпанные стены фойе, зал, напоминающий большой сарай, старые стулья. Зато у дверей кабинетов административных сотрудников красуются новенькие, отполированные до блеска таблички с их должностями и фамилиями.

Однажды для сцены был сшит новый занавес. А остатки ткани использовали как занавески в туалетах.

Кстати, еще по поводу кабинетов и табличек. Персонального кабинета у главного дирижера не было. Была комнатка для двоих — главного и второго дирижера Скульского (работающего в этой должности с 1968), на которой висит табличка — похоже, двадцатилетней давности — с надписью: «Дирижеры».

Не было у оркестра и собственного факса (пользовались личным факсом Зивы), не было и компьютера.

Не было у Зивы и пропуска на личный автомобиль в нижегородский Кремль, где находится филармония. Томина предложила ему заплатить за пропуск.

Ну, хватит, наверное, фактов, хотя и это далеко не все.

Последней же каплей, переполнившей чашу терпения Зивы, стало то, что Томина без согласования с главным дирижером полностью изменила программу симфонического концерта открытия Сахаровского фестиваля, да так, что весь концерт был передан другому дирижеру.

Зива ждал извинений месяц. Их не последовало. И он написал заявление об уходе. Заявление было подписано. Через несколько дней Зива получил расчет.

Думаете, Ольга Николаевна сказала: «Да, ситуация в России такова, что я, как директор филармонии, в которой работает оркестр, не смогла в нынешних экономических условиях и законодательной ситуации решить проблемы оркестра, удержать такого дирижера как Зива»? Или промолчала по-чиновничьи? Нет, она высказала в прессе такую позицию, которую и комментировать, и анализировать не хочется: от алогичных реплик, мелочных претензий веет стилистикой коммунальной кухни. Создается впечатление, что все — оркестранты, публика, Зива, пресса — говорят директору филармонии про Фому, а она — про Ерему.

Приведем высказывания Томиной в газетах «Нижегородский рабочий» (3 июня), «Светская жизнь» (7 июня) и «Новое дело» (16 июня), тон которых — но не суть — от газеты к газете становился все менее агрессивным. Естественно: ведь в первом интервью Ольга Николаевна не удержалась, сорвалась, погорячилась. Наверное, поэтому отказалась аргументировать сказанное нашему корреспонденту на диктофон, пообещав сделать это в письменной форме. Но и на письменные вопросы тоже отказалась ответить, сославшись через юриста филармонии на неправильность оформления запроса от прессы. (К сведению юриста и Ольги Николаевны: подобной формы не существует, если речь не идет о вопросах, касающихся «закрытой информации» — государственной тайны и т.п.)

«В наш город Владимир Петрович приехал никому не известным музыкантом и, добившись успеха, захотел выйти на другой уровень».

«Он забыл, чем обязан нашей филармонии, куда пришел ассистентом дирижера московского оркестра, а тут ему сразу дали академический коллектив».

Пожалуй, все-таки филармония обязана Зиве, который пришел в нее известным музыкантом и при котором оркестр получил звание «академический». Тут Томина несколько запаматовала. Или не ознакомилась с биографией Зивы, когда оформляла его на должность главного? Успеха Зива, значит, все-таки добился. Но дирижер не может добиться его в одиночку — только вместе с оркестром. Как же тогда понимать высказывание Томиной: «свой собственный коллектив начал разваливать»?

«Я давно знала, что он не связывает своего будущего с Нижним Новгородом».

А может, это оркестр филармонии Нижнего Новгорода должен был связывать свое будущее с Зивой? Да и 12 лет — срок немалый, для многих — это четверть творческой жизни. С другой стороны, если Томина изначально была уверена, что рано или поздно Зива уйдет, то она могла и не пытаться создать дирижеру благоприятные условия для работы в Нижнем Новгороде всю оставшуюся жизнь. Получается, что это «знание» Ольгу Николаевну только радовало.

«Поступок, который он совершает, выбрав для нанесения удара именно этот момент, несомненно ни с профессионализмом, ни с человеческой этикой».

Похоже, Томину беспокоил не тот факт, что Зива покидает филармонию, заботили не причины его ухода, а лишь то, что он не будет дирижировать на Сахаровском фестивале одну программу — Реквием Верди. Отметим, что заявление Зива

подал почти за месяц до концерта. В концертной практике — это принятый срок для поиска замены. Что же касается профессионализма и этики, то чего-чего, а профессионализма Зиве не занимать, тем более у руководителя филармонии.

«С каждым годом он уделял все меньше времени оркестру: последние два сезона он отсутствовал в городе более 100 дней в каждом», «музыканты стали видеть его, как гастролера, раз в год по обещанию».

«По обещанию» Зива выступал в Нижнем Новгороде так: сезон 95/96 — 26 концертов, сезон 96/97 — 30 концертов, сезон 97/98 — 31 концерт, сезон 98/99 — 23 концерта, сезон 99/2000 — 19 концертов.

«Вот тут у нас действительно были разногласия: он защищал личные интересы. А я — интересы оркестра».

Если все, что сделал Зива для Нижегородского оркестра, было защитой его личных интересов — то слава Богу, что его личные интересы именно таковы. А вот, судя по письму оркестрантов, интересы музыкантов и интересы директора филармонии абсолютно не совпадают.

«Для справки: он подавал на конкурс в несколько столичных оркестров ... и нигде не прошел».

Во-первых, это ложь. Во-вторых, дирижеры уровня Зивы (и это закон в профессиональной среде) заявления на конкурс в оркестры не подают. Их приглашают.

«Я знаю точно — на первом месте у него всегда стояли личные интересы. Его квартиры. (...) Его записи. Его амбиции».

Только почему-то в течение восьми лет Ольгу Николаевну не волновало (или «точного знания» не было?), что главный дирижер с семьей живет в 27-метровой служебной квартире — общежитии филармонии.

«По его милости ушло несколько хороших инструменталистов».

Да нет, уходили-то не от Зивы, а из филармонии, а значит — от директора. От нищеты, от игнорирования проблем, в общем — от всего того, что обозначено в письме музыкантов оркестра.

И замечательная кода:

«Для меня ясно одно: мы все работаем с людьми и для людей, и все свои дела и поступки должны мерить высокой мерой ответственности перед ними и делом, которому служим».

Красиво, пафосно. И соответствует методам руководства Томиной, которые иначе как методами победившего социализма не назовешь. Кстати, и причин для конфликта Ольга Николаевна (по ее же словам) не видит.

ПРЕССА

«Все эти годы не умолкало шушуканье за его спиной: «Зива — столичная штучка». Для большинства своих коллег Владимир Петрович все двенадцать лет оставался чужаком, пришлым, варягом. Он не вписывался в нижегородский клан, наоборот, раздражал непохожестью, требовательностью..., в конце концов, просто сиянием своего «звездного» артистизма. Примечательный факт. В последние годы Зиву отмечали (или отличали) исключительно в иных краях: лауреатом Государственной премии России он стал как участник Московского «Альфред Шнитке фестиваля», звание «Дирижер года» дважды получал от российской газеты «Музыкальное обозрение». А у нас его кандидатура ни разу не упоминалась в списках претендентов на премию Нижнего Новгорода.

[Для справки: эту премию не так давно получили Ольга Томина, ее заместитель Криваткин (как, разве никому не известны его великие заслуги в области искусства и перед городом?) и Израиль Гусман, 13 лет не работающий в оркестре. Так что у Зивы есть шанс получить премию Нижнего лет через несколько.]

Наивно думать, что дирижеры уровня Зивы — стоят свистнуть — примчатся в Нижний толпами. На такую зарплату да в провинцию — не примчатся. А если вдруг и случится чудо, то все повторится сначала: и бесконечные споры с дирекцией, и частые отъезды на гастроли (как будто художник может постоянно «вариться» в одном-единственном, пусть и родном оркестре без ущерба для творчества!). И — разрыв?» (В. Звездова).

«Что такое филармония? Это лекторий, в который входят несколько малоизвестных певцов да еще, может быть, парочка коллективов, которые отрабатывают план по культурным выездам в школы и область. И оркестр. А оркестр — это Зива. И никто с этим не поспорит, потому что его знают все, а о существовании директора филармонии — немногие.

Что известно о Нижнем Новгороде за его пределами? Что здесь есть автозавод, был губернатором Немцов, посадили мэра Климентьева. И еще что здесь великопленный оркестр, во главе которого стоит талантливый и артистичный дирижер Зива. (...) Дирижер Владимир Зива уходит, и, скорее всего, он без нас не пропадет. Ну, хлопали мы, теперь будут хлопать другие. Ольга Николаевна Томина сможет жить спокойно. Областная администрация обойдется и без Зивы: у них небось магнитофоны есть. Оркестр когда-нибудь «выйдет замуж» и заживет тихой провинциальной жизнью. А публика смиренно перенесет эти невзгоды. А что ей остается? Ведь у ценителей музыки, ради которых и существует наш симфонический оркестр, никогда ничего не спрашивали. Ни в советские времена, ни теперь, в период становления демократии.

И спрашивать, кажется, не собираются» (О. Юсова).

Итак, позиции всех сторон — Дирижера, Оркестра, Публики, Прессы, чиновников и директора — представлены. Счет — 1 : 4 (при одном промолчавшем) не в пользу Томиной.

Так кто же должен был уйти?